

«Для искусства социалистического реализма нет более важной задачи, чем утверждение советского образа жизни, норм коммунистической нравственности, красоты и величия наших моральных ценностей — таких, как честный труд на благо людей, интернационализм, вера в историческую правоту нашего дела».

Из постановления ЦК КПСС «О творческих связях литературно-художественных журналов с практикой коммунистического строительства»

Маяковский и современная поэзия

В дискуссии, начатой статьей Ст. Лесневского («ЛГ», № 36), уже выступили критики А. Кондратович («ЛГ», № 37) и В. Суханев («ЛГ», № 38). Сегодня слово поэту Егору Исаеву.

НАДО, надо напоминать о традициях Маяковского. Ведь что такое Маяковский? Это прежде всего жизнь, а потом уже литература. Потому что Маяковский большой художник. Большая жизнь делает его большим поэтом. Большая революция, самая великая из всех революций, которые были на земле, и по социальному своему значению, и по философскому, и по эстетическому, и по экономическому. Революция произошла у нас в России, но принадлежит всему миру, равна миру. Не было бы революции, не возникло бы такого гиганта, как Маяковский, чье значение, так же как и революции, — мировое. Я не знаю другого такого поэта, который был бы в одинаковой степени национальным и мировым поэтом.

Что такое революция? Это прежде всего неравнодушие, это страсть, проявление социальной страсти, страсти во имя справедливости. Маяковский был страстным поэтом, конкретно-страстным, социально-страстным. Он — поэтическое подобие революции. И потому он глава школы интернациональных революционных поэтов.

Что такое школа Маяковского? Это школа революции в поэзии. Это самое конкретное, самое мысленческое, самое нервное, а значит, самое действительное состояние слова. Кто они — представители этой школы? Назыв Химмет, Пабло Неруда, Николас Гильен, Фаиз Ахмад Фаиз, Рафаэль Альберти, Луи Арагон — какая великая гряда поэзии!

Маяковский — это новаторство во утверждение самых жизненных, самых советских устремлений. Это поэзия утверждения наилучших идеалов. Это не просто новаторство формы, но прежде всего новаторство содержания, огонь, «клопочущий взрыв как потребность утвердить новое, прекрасное мирозидание. Да и форма Маяковского, «лесенка» Маяковского, она — ступенчатый-шаговый стих. Каждое слово — свой ритм, своя тяжесть. Каждый стих — шаг Маяковского вверх. Его стих — гороподъемный!

Какую великую прозу жизни брал Маяковский и какую великую поэзию добывал из нее!

Три приближения к жизни, к народу, к его языку знает русская поэзия.

Первое громадное приближение к народному языку от церковнославянского — Пушкин.

Второе громадное приближение к языку живой действительности — Некрасов.

Третье громадное приближение к языку революции — Маяковский.

Пушкин — поэт эпохи декабризма. Некрасов — поэт эпохи революционных демократов. Маяковский — поэт эпохи Октября, нашей эпохи.

И если говорить о новаторстве, то о понимаемом по Маяковскому. А если не по Маяковскому, то не слишком ли мы в нашем литературно-критическом обиходе перебаловались этим весьма ответственным понятием?

Думаю, что да, перебаловались. Одно время слово «новаторство», прямо скажем, не очень уж торопилось здороваться со словом «традиция». Намечался даже определенный перепад в ранге: назвали тебя новатором — ликуй, причислили к традиционалистам — извиняйся. И это отнюдь никакая не выдумка с моей стороны. И не шутка. Было такое, было, что греха таить.

Меня тоже причисляли к традиционалистам. Но я не извинялся. И прежде всего потому, наверное, что мне очень уж тогда нравилась одна немудрая песенка с романсовым уклоном:

О любви не говори,
О ней все сказано.
Сердце, верное любви,
Молчать обязано.

Уклон тут, конечно, романсовый — это и без музыки ясно, а вот смысл, смысл, как говорят, а самую точку бьет, поучительный весьма. Тут и шутка, и серьез — все под одной, как в газете, шапкой: знай край и не падай. А самое главное, не перебалуйся словом — сперва понятие поймешь, а потом уж... Или как там у Тургенева: «Аркадий... не говори красиво».

А посему, если хорошенько вдуматься, новаторство и традиция — дело во многом совместное и весьма взаимоуважительное. Во всяком случае, терминологический перепад тут мало кому полезен. Тут недостаточно пони-

Егор
ИСАЕВ

мать, тут надо еще и разуместь. Спросят, а какая разница: понимать и разуместь? Скажу. Когда наш белозубый Гагарин — помню, улыбка на весь мир — в три ступени-рыска вышел орбитально в космос, то я, читая про это в газетах, вроде бы, как мне казалось тогда, все как есть понимал. Понимал и, конечно же, восторгался всем этим предельно. Как же! Не в небе просто, а теперь уже в занебесье, выше атмосферы, без крыльев, без колес — виток за витком, виток за витком — вокруг огромного земного шара, как вокруг школьного глобуса. Впервые в истории! Здорово!! И не только восторгался, но даже стихи сочинил про это:

Нам по плечу любая высота.
И вот, шагнув за середину века,
Не вознесенные праздником Христа,

А вознесенные человека.

А годом позже в деревне надо было мне печную трубу к зиме прочистить. Приставил лестницу к железной крыше и полез. Полез, а значения тому не придал, что ночная осенняя морось с утра корочкой незаметной на железе заледенела. И только я это сделал три неуверенных шага по крутому скату в направлении к трубе, как тут же всем весом, всем телом своим почувствовал: упор из-под правой ноги уходит! Еще бы чуть — и... И вот тут-то я и кинул себя рывком к трубе. Обхватил ее, матушку, и, представьте себе, сразу же все как есть уразумел! Да, да, именно так: не только умом понял, но и всем телом, каждой нервной клеточкой почувствовал. Вот это и есть — уразумел. И прежде всего уразумел то, что моя высота, высота незадачливого трубочиста — всего-то семь-восемь метров каких-нибудь! — и высота гагаринская, в сто, а то и в триста — четыреста километров над землей, ох, как далеко не одно и то же. С тех пор, признаюсь, я как-то поостыл к риторизмам.

А риторизмы бывают разные. Громкие и тихие. Даже тихающие, шепотные есть. Преобладают громкие. Они чаще всего под восклицательным знаком ходят и причем, как правило, запанибрата с эпохой, с веком, с планетой... Тихие же — те больше предпочитают по-стариковски в домашних шлепанцах в отточие сходить, а иногда и того дальше — в нечто такое тонкое-претонкое, где уже вообще нет ни массы, ни веса, даже элементарного смысла нет. Так уж все тонко, что рваться уже нечему. А тонкое, как известно, на тонком не растет. Кудри хорошо, а голова все-таки лучше.

Шутка шуткой, а это явление — если уже не явление — шепотного, унылого риторизма стало все сильнее и сильнее обнаруживать себя, как это ни прискорбно, в творчестве молодых. В моду начинают входить поэтизмы эталого-такого таинственно-мистического свойства — всякие там лики, свечи, рызы, тоска, кресты... И все это где-то под листопадом, в дождях, где-то в нарочито туманном далеке слабо мерцающего смысла, а уж если попросту сказать — где-то в стороне от жизни.

Перистые облака — прекрасные облака. Прекрасные и самые, пожалуй, высокие на земле: первыми встречают солнце и последними провожают его. Хвала им и честь за это. Но есть низовые облака. Я бы их назвал рабочими облаками. Облака кипенно-белые, величественные — кучевые. Облака темные, как баржи с осадкой на корму, быстро бегущие, сеющие мелкой моросью и снегом. Облака-тучи с теплым, отвесным ливнем, с молоньей и громом... Ах, как их ждут поля, леса, луга и мы — люди! Каждая травинка ждет, каждый цветок, каждое зерно... Спасибо им за хлеб, за чистый воздух, за насущную пользу, за красоту великую спасибо. За будничную и праздничную одновременно. Я — за такие облака в слове, не исключаю, разумеется, и перистых.

Есть хорошая поговорка: назвался груздем — полезай в кузов. Это тоже к нашему разговору. Поименовать новатором или традиционалистом — впрочем, так же как и поименоваться — дело, в общем-то,

не такое уж сложное, даже, я бы сказал, в чем-то выгодное для тех, кто вольно или невольно этим занимается: срывает эффект противопоставления. Делить — не складывать, а тем более не преумножать. И настоящее новаторство никогда специально не опережает традиции и никогда не козыряет этим. Ломаю старое, уже изжившее себя, оно — то же время создает и новые традиции, закрепляется в них и движется дальше. Нет новаторства только для новаторства. Истинное новаторство всегда для традиций, как, скажем, та же авиация для матушки-пехоты. В малом и большом они всегда совместны, как мысль и разум. Но только мысль познает, а разум еще и управляет познанием, соизмеряя познаваемое с уже познанным.

И тут мне хотелось бы вернуться к той самой немудрой

вот истинное золото земли! Потому-то и знак классового единения в труде — серп и молот — не только знак политический, социальный, но и в не меньшей степени знак самый наиприродный.

Лет восемь-десять назад я побывал на Волгоградском тракторном. Завод, что и говорить, хороший. Но что я заметил все-таки в нем тесновато рабочему человеку среди станков, конвейерных линий и собираемых тракторов. Даже не тесновато, а тесно просто. Совсем иное дело КамАЗ. Помню, вошли мы в инструментальный цех и заглянули от изумления: глазам нашим открылся простор почти такой, как в поле. Оказывался, архитекторы, замыслив и проектируя в чертежах весь завод в целом, а том числе и этот огромный инструментальный цех, загодя заложили в него в своих точных

мел, все это для того, чтобы каждый из работающих мог среди всех уединиться, уйти целиком в работу как в творчество.

А сам завод — завод завод! Он, по замыслу архитекторов, всеми своими цехами, как белой флотилией, должен был плыть под синим прикамским небом, среди зеленых полей и лесов. Вот уж где действительно единение природы и техники! И еще одна деталь: перед тем как приступить к сооружению автомобильного гиганта, строители с огромной площади земли, отведенной под все его цехи и службы, под город, который должен был вырасти в производном недалеке от завода, заблаговременно содвинули и сгустовали в бурты всю животворящую почву, содвинули как самый драгоценный, трудно-восстановимый материал. Как видите, архитекторы, строите-

осуждения следует поставить таких вот зело опохавившихся на природе типов — под деревенский или же городской? А ни под какой. Даже под зверский нельзя. А ведь облик-то люди вроде и наверняка с обязательным средним образованием.

Однажды я случайно услышал такой разговор. Говорили двое в сквере под навесом, поскольку дождь шел. Один сказал:

— Опять дождь зарядил. Солнца бы побольше надо. Загореть хочу.

— А есть хочешь? — Быстро спросил его второй.

— Хочу, — с готовностью ответил первый. — Обедать уже пора.

— Может, и пора... — хитро усмехнулся второй. — Но ты сначала поблагодари этот дождь, а потом уж обедать иди.

— Как?!

— А вот так. Этому дождю цены нет. Он под налив колоса как раз угодил. Целый год обедать есть чего будет.

Хочу спросить читателя: кто из этих двух больше городской — первый или второй? Сам же я отвечаю так: второй, конечно, тот, который о деревне думает. И это, кстати,

тишек в датсадах и яслях. Будут дети — будет будущее деревни. А будет деревня, будет хлеб — будет и город.

Но быт — это не все. Незыблемыми должны оставаться еще два фактора многовековой намысливаемости на земле и чувство, я бы сказал, столбового, истинно крестьянского постоянства. Временные массовые наезды из города — это не столько подмога, сколько разор. Тут мало понимать, знать мало, тут надо еще и любить. И такому постоянству надо учить, учить как совести, как великой традиции. Учить с малолетства. И не только в сельской, но и в городской школе. И не только в школе — в семье. И еще чему учить надо — достоинству!

Вот в чем, на мой взгляд, корень проблемы «город — деревня, деревня — город». И с этой точки зрения наша богатая так называемая деревенская проза не столько сельская тоже, сколько городская. Михаил Пряслин из тетралогии Федора Абрамова — вот кто, пожалуй, как образ сильнее всех и ярче в прозе такого рода. Он как раз и олицетворяет мысль о достоинстве и постоянстве. И мысль эта — вся еще невырост, вся еще впереди. Впереди и в жизни, и в литературе.

А недавно я прочел новую книгу стихов Игоря Шкляревского «Брат». Книга глубокая. Она достойна отдельной, обстоятельной статьи. Но я останавливаюсь лишь на двух стихотворениях. Уже само название одного из них, «Жалоба счастья», говорит о диалектике постоянства. Особенно в крестьянском труде. По мысли поэта, счастье никогда не может быть счастливым в праздности и в беспечности. Счастье — всегда в заботе, в труде. И если оно жалуются на все это, то жалуются любя, жалеючи жалуются.

И другое — ночное стихотворение о тракторе и трактористе у костра в холодном поле.

Свет одинокий в поле.
Трактор сломался, что ли?
И тракторист неучет.
Доски обили солярный,
с тулом равняюсь пламя,
дым повалил густой.
И со звездой яркой
он в поле сидит один.

Один — это верно, но не в одиночестве. Это костер горит не только на поле, но и в поле нашего обиходного внимания к земле — внимания и городского, и деревенского. Наша эта земля, общая. И ночной костер тракториста на этой земле — это не знак одиночества, а знак постоянства. И возможно даже, что это Михаил Пряслин, но только не в прозе, а в поэзии.

ДИАЛЕКТИКА ПОСТОЯНСТВА

щей песенке, строки из которой я только что привел в начале статьи. В ней, в этой песенке, есть еще и такая строчка: «Умей владеть собой». Совет, прямо скажем, во всех отношениях универсальный. Но вот вопрос: как владеть собой, если тормоза нет? А никак. Отсюда вывод: хвала скорости, но и тормозу привет. Чем больше скорость и масса, допустим, корабля, автомашины, поезда, самолета, тем надежней и верней должен быть тормоз. Это — аксиома. Иначе, как говорится, «без руля и без ветрил». Кстати, возмущительная система в человеке всегда на равных с тормозной. Отклонения в ту или иную сторону чреваты в обоих случаях нехорошими последствиями. Да и все нравственные законы в основном лежат в области тормоза, в области общественно, освоенной и принятой как норма привычки, то есть традиции. Совесть — всего лишь только чувство, но она вмещает в себя и содержит в себе, если хотите, чуть ли не весь следственно-судебный аппарат, включая и прокурорский надзор. Какая для государства великая экономия на зарплате, а? Я уж не говорю о чисто нравственно-правовой пользе. Учить совести — значит учить традиции. В преломлении в сферу нравственного закон тяготения Земли Ньютона — это не что иное, как суровый закон тяготения совести в человеке и прекрасный закон тяготения любви.

В этой связи несколько слов о геофизике.

Было бы худо, ох, как было бы худо, если бы, предположим, Земля наша — наша начальница, кормилица и попилица, наша постоянная опора, а значит, и наше постоянное движение, наша жизнь — вдруг однажды разомкнула бы свои материнские объятия — свое земное тяготение. Была бы трагедия трагедий, катастрофа катастроф! А мы ведь все это путями когда-то называли! А между тем ракета, как стало известно, уходя от Земли, не только не порывает с земным тяготением, а, напротив, даже берет его с собой, берет как опору. Земля, как опору воздуха — и там, в безпорном, пустом пространстве, в космосе, движется и управляет собой, отталкиваясь от Земли внутри себя, от неба внутри себя.

Но вернемся непосредственно на землю.

В нашей критике, к сожалению, еще встречаются случаи произвольного деления поэзии — и не только поэзии — на урбанистскую и сельскую, хотя жизнь уже не однажды опровергала и опровергает такое деление. Верно, что укрупняются и наново строятся города, рабочие поселки. Но это, однако, вовсе не означает, что они от этого становятся менее природными, менее «земляными». Отнюдь. Камень, железо, кирпич — это тоже земля. Газ, уголь, нефть, дерево на бульваре, цветок на газоне, облако над многоэтажным домом, стриж и самолет в зените — все это не просто как с неба упало, — кстати, небо тоже от земли, — а выросло, рукотворно возшло и поднялось над землей, сохранилось и содержится в ней как энергия, как любой строительный материал, как почва, как вода, как воздух, как наша плоть и наша мысль, наконец. Взгляд на землю как на нечто сугубо деревенское, крестьянское давно уже устарело.

В гимне коммунистов сказано: «Владеть землей имеем право...». Глубоко, всеохватно сказано. Владеть и в малом, и в великом. Владеть — не просто властвовать, а владеть — как заботиться о ней, преумножать ее богатства, а не только брать. Преумножать трудом, любовью. И в этом — весь наш кодекс земли. В самом деле, а есть ли что на земле дороже и важнее самой земли? Золото? Драгоценные камни? Нет. Труд и любовь —

нисколько не умаляет в нем истинного горожанина. Наоборот. Пришло такое время, когда проблема деревни нашей стала городской проблемой номер один. И, в общем-то, понятно, почему: едоков-то где больше — в селе или в городе?

Деревня — мать городов. А раз так, то не пора ли сыновьям по-городскому ее и пообиходить? Но только не во всем. Надо оставить ее деревенской в самом главном — в глубоко традиционном чувстве любви к земле-кормилице, в чувстве полей, лугов, в чувстве сада и огорода... Многоэтажный стандарт постройки ей ни с какой стороны не к лицу. Другое дело — городской быт, коммунальные удобства, газ, горячая вода, паркет, современная мебель. Но такое можно иметь и в коттедже, причем в зеленом окружении сада и огорода. Будет такое — будет и молодежь в деревне будет молодежь — будут свадьбы, будут свадьбы — будут веселые голоса ребя-